

**ВИНТЕРВЕРП (WINTERWERP)
против НИДЕРЛАНДОВ**

Судебное решение от 24 октября 1979 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Г-н Фриц Винтерверп — житель Нидерландов. В 1956 г. он вступил в брак, в результате которого родилось несколько детей. В 1968 г. он по распоряжению бургомистра был помещен в силу крайней необходимости в психиатрическую больницу, где пробыл три недели. Через шесть недель он был снова помещен в эту больницу, на этот раз по просьбе жены и с согласия мирового судьи. Впоследствии по инициативе жены, а затем и прокурора его пребывание в больнице ежегодно продлялось судом по заключениям лечащего врача.

Г-н Винтерверп возражал против всего этого. Он жаловался, что не знаком с касающимися его юридическими документами, не может пользоваться юридической помощью и оспорить медицинские заключения. Он возражал и против того, что был лишен дееспособности.

Г-н Винтерверп четыре раза обращался в суд, требуя освобождения. В 1969 г. окружной суд заслушал больного, но отклонил его требование. В 1971, 1972 и 1973 гг. прокурор сам отклонил его обращения, как лишённые какой-либо перспективы на успех, без передачи их в окружной суд.

Находясь в психиатрической лечебнице, г-н Винтерверп, признанный недееспособным, не мог распоряжаться своей собственностью. Сперва это делала его жена, затем управляющий, назначенный судом в 1971 г.

В. Разбирательство в Европейской Комиссии по правам человека

В жалобе г-на Винтерверпа, поданной в Комиссию 13 декабря 1972 г., утверждалось, что он произвольно лишен свободы, а также права быть выслушанным судом, который рассматривал вопрос о нем. Жалоба была признана приемлемой 30 сентября 1975 г.

В своем докладе, утвержденном 15 декабря 1977 г., Комиссия, “рассмотрев жалобу в свете статьи 5”, единогласно пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 5 п. 4, но не статьи 5 п. 1. Комиссия считала, что в данных обстоятельствах ей не следует высказывать какую-либо точку зрения относительно утверждения о нарушении статьи 6 п. 1.

Дело было передано в Суд Комиссией 9 марта 1978 г. и Правительством Нидерландов 21 апреля 1978 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ**ВОПРОСЫ ПРАВА****I. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 1**

35. Нет сомнения в том, что начиная с 1968 г., за исключением нескольких перерывов, заявитель был лишен свободы на основании Закона о лицах, страдающих психическими расстройствами. Он утверждает, что является жертвой нарушения статьи 5 п. 1 Конвенции, которая в части, относящейся к данному делу, гласит:

“Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

.....

(е) законное задержание... душевнобольных...”

A. “Законное задержание душевнобольных”

36. Г-н Винтерверп прежде всего уверяет, что лишение его свободы не отвечает требованиям, содержащимся в словах “законное задержание душевнобольных”. Ни Правительство, ни Комиссия не согласны с этим утверждением.

37. В Конвенции не говорится, что следует понимать под словом “душевнобольные”. Этому термину нельзя дать окончательное толкование. Как было отмечено Комиссией, Правительством и заявителем, это термин, значение которого постоянно изменяется вместе с развитием исследований в области психиатрии; более гибкими становятся методы лечения, и меняется отношение общества к душевным заболеваниям, при этом в обществе растет понимание проблем душевнобольных.

В любом случае п. 1 (е) статьи 5, очевидно, не может рассматриваться как разрешение содержания под стражей лица только потому, что его взгляды или поведение не соответствуют нормам, преобладающим в данном обществе. Считать иначе значит вступать в противоречие со статьей 5 п. 1, где содержится исчерпывающий перечень (см. решение по делу *Энгель и другие* от 8 июня 1976 г. Серия А, т. 22, с. 24, п. 57 и решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. Серия А, т. 25, с. 74, п. 194) исключений, требующий узкого толкования (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 21, п. 42; и решение по делу “Санди таймс” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 41, п. 65). Это не соответствовало бы также предмету и цели статьи 5 п. 1, а именно: гарантировать, чтобы никто не был лишен свободы в результате произвольных действий (см. решение по делу Лоулесса от 1 июля 1961 г. Серия А, т. 3, с. 52; и вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 25, п. 58). Более того, в этом случае игнорировалось бы значение права на свободу в демократическом обществе (см. решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии* от 18 июня 1971 г. Серия А, т. 12, с. 36, п. 65; и вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 35, п. 82 *in fine*).

38. Конвенция не дает какого-либо определения “душевнобольных” людей, и в законодательстве Нидерландов нет определения “людей с психичес-

кими расстройствами”; в то же время в законодательстве заложены основания для помещения таких людей в психиатрическую больницу. Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть по соответствующему заявлению в предварительном порядке помещено в больницу либо в его собственных интересах, либо в интересах общественного порядка; при этом необходимо медицинское заключение о том, что данное лицо “находится в состоянии душевного расстройства и что необходимо или желательно лечить его в психиатрической больнице” (разделы 12 и 16 Закона). Если мировой судья посчитает факт болезни установленным, он издает постановление о предварительном помещении лица в больницу (статья 17 Закона). Аналогичным образом по соответствующему заявлению решение о дальнейшем пребывании лица в больнице принимает окружной суд на основании заключения ответственного врача о том, что больной нуждается в дальнейшем лечении. Кроме того, как видно из материалов дела, голландским судом принимаются такие решения, только если лицо страдает психическим расстройством такого рода или такой тяжести, которые делают его действительно опасным как для самого себя, так и для других; в законопроекте, находящемся сейчас на рассмотрении в Парламенте, говорится об “угрозе для [самого данного лица], для других и для общей безопасности людей и имущества”.

Если принять во внимание эту судебную практику, то действующий Закон вовсе не кажется несовместимым со значением, которое должно придаваться слову “душевнобольной” в контексте Конвенции. Поэтому Суд считает, что человек, который содержится в изоляции в соответствии с нидерландским Законом о лицах, страдающих психическими расстройствами, в принципе подпадает под действие статьи 5 п. 1 (е).

39. Следующим вопросом, требующим изучения, является “законность” задержания в соответствии с целями статьи 5 п. 1 (е). Она предполагает прежде всего соответствие внутреннему праву, а также, как подтверждается статьей 18, соответствие цели ограничений, допускаемых статьей 5 п. 1 (е); однако она говорит о законности принятия мер, связанных с лишением свободы, а не о том, какими они должны быть (см. вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 28, п. 68 *in fine*).

Что касается соответствия внутреннему праву, Суд подчеркивает, что прилагательное “законный” охватывает как процессуальные, так и материально-правовые нормы. Оно определенным образом совпадает с общим требованием статьи 5 п. 1, а именно — соблюдения “порядка, установленного законом” (см. п. 45 ниже).

Действительно, эти два выражения отражают важность цели, лежащей в основе статьи 5 п. 1 (см. п. 37 выше): в демократическом обществе, приверженном верховенству права (см. решение по делу Голдера от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18, с. 16—17, п. 34; и вышеупомянутое решение по делу *Класс и другие*, с. 25, п. 55), никакое произвольное задержание никогда не может считаться “законным”.

Комиссия также подчеркивает, что не должно быть даже признака произвола; по ее заключению никто не может быть лишен свободы как “лицо, страдающее психическим расстройством”, без медицинского заключения, устанавливающего, что его психическое состояние оправдывает обязательную госпитализацию. И заявитель, и Правительство выражают схожее мнение.

Суд полностью согласен с этим ходом рассуждений. По мнению Суда, за исключением случаев крайней необходимости, человек не должен лишаться свободы до тех пор, пока не будет убедительно доказано, что он действительно является “душевнобольным”. Сама сущность того, в чем следует убедить компетентные государственные органы — наличие психического расстройства, — требует объективной медицинской экспертизы. Далее, психическое расстройство должно быть такого характера или степени, которые оправдывали бы обязательное лишение свободы. Более того, обоснованность длительного лишения свободы зависит от стойкости такого расстройства (см. *mutatis mutandis* решение по делу Стогмюллера от 10 ноября 1969 г. Серия А, т. 9, с. 39—40, п. 4; и вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*, с. 43, п. 82).

40. В компетенцию Суда, несомненно, входит проверка “законности” задержания (см. вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 29, п. 69). Г-н Винтерверп полагает, что именно несовершенство процедуры привело к тому, что были приняты три постановления о его принудительном пребывании в больнице, не отвечающие требованию “законности”. Суд вернется к этой позиции позднее в связи с тесно примыкающей к ней проблемой соблюдения “порядка, установленного законом” (см. п. 44—50 ниже). В данном контексте достаточно констатировать, что при решении вопроса о том, следует ли какое-либо лицо содержать в изоляции как “душевнобольного”, необходимо, чтобы были признаны определенные полномочия национальных органов власти, поскольку именно они прежде всего должны оценить приводимые в каждом конкретном случае доказательства; задачей Суда является рассмотрение решений этих властей в свете Конвенции (см. особенно *mutatis mutandis* решение по делу Хэндисайда от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 22 и 23, п. 48, 50, вышеупомянутое решение по делу *Класс и другие*, с. 23, п. 49; и вышеупомянутое решение по делу “Санди таймс”, с. 36, п. 59).

41. Что касается данного дела, то медицинские заключения, представленные в судах, указывали на наличие у заявителя шизофренических и параноидных реакций; он не осознавал своего патологического состояния и в ряде случаев совершал достаточно серьезные действия, не оценивая их последствий. Кроме того, различные попытки его постепенной реинтеграции в общество закончились неудачей.

42. Г-н Винтерверп считает, что медицинские заключения не удовлетворяют целям статьи 5 п. 1 (е). Кроме того, он сомневается, что первоначальное распоряжение бургомистра основано на заключении психиатров.

С точки зрения Суда, события, которые послужили поводом для распоряжения бургомистра в мае 1968 г., по своему характеру вполне оправдывают “безотлагательное” помещение в больницу, предусмотренное в то время статьей 14 Закона. Хотя сомнительно, что срок необходимо было продлевать до шести недель, этот период не является настолько длительным, чтобы рассматривать само задержание как “противоправное”. Несмотря на критические замечания заявителя, у Суда нет никаких оснований сомневаться в объективности и достоверности медицинского заключения, на основании которого нидерландские суды начиная с июня 1968 г. санкционировали его принудительное содержание как душевнобольного. Нет никаких указаний на то, что оспариваемое лишение свободы было осуществлено с противоправной целью.

43. Суд, соответственно, делает вывод, что лишение г-на Винтерверпа свободы во время всех рассматриваемых периодов времени представляет собой “законное задержание” душевнобольного по смыслу статьи 5 п. 1 (е).

В. “В порядке, установленном законом”

44. Заявитель утверждает, что лишение его свободы не было осуществлено “в порядке, установленном законом”. Для заявителя это выражение означает уважение определенных элементарных принципов судопроизводства, таких как информирование и заслушивание причастного к делу лица и предоставление ему возможности участвовать в рассмотрении дела и получить юридическую помощь. По его утверждению, эти принципы в его деле соблюдены не были.

Правительство отвечает, что предусмотренная в нидерландском законодательстве процедура соответствует требованиям статьи 5 п. 1, поскольку включает регулярный контроль независимого судьи, действующего на основе медицинских заключений.

По мнению Комиссии, п. 1 (е) статьи 5 предполагает лишь наличие медицинского заключения; в остальном статья отсылает к внутреннему праву, не устанавливая минимума процессуальных гарантий.

45. Суд со своей стороны считает, что формула “в порядке, установленном законом”, по сути, отсылает к внутреннему законодательству; говорит о необходимости соблюдения надлежащей процедуры в соответствии с этим законодательством.

Однако само внутреннее законодательство должно соответствовать Конвенции, включая общие принципы, выраженные или подразумеваемые в ней. В основе обсуждаемой формулы лежат понятия справедливой и надлежащей процедуры, т. е. идея в том, что любая мера, лишаящая человека свободы, должна исходить от соответствующего органа, осуществляться им и не быть произвольной. Действующий в Нидерландах Закон о лицах, страдающих психическими расстройствами, удовлетворяет этому условию.

46. Были ли фактически соблюдены в деле заявителя процессуальные нормы, предписанные этим Законом, — это как раз тот вопрос, который призван решать Суд (см., например, вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Омс и Версип против Бельгии*, с. 38—39, п. 69—70; и вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 28, п. 68 *in fine*). Хотя обычно Суд не должен проверять, соблюдено ли национальными органами власти внутреннее право (см. решение по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. Серия А, т. 13, с. 40, п. 97), иначе происходит в случаях, подобных данному, когда Конвенция прямо отсылает к этому законодательству; в таких делах неверная оценка внутреннего законодательства может привести к нарушению Конвенции.

Однако логика защиты, установленной Конвенцией, ограничивает возможности Суда. На национальные власти, а именно на суды, ложится задача толкования и применения внутреннего права, даже в тех областях, в которых Конвенция “включает в себя” нормы этого права: национальные власти, по логике вещей, являются более компетентными в урегулировании проблем, возникающих в этой связи.

47. Г-н Винтерверп утверждает, что в двух постановлениях о его принудительном помещении в больницу имелись пороки формы.

48. Во-первых, как он утверждает, постановления, изданные 23 декабря 1968 г. и 16 декабря 1969 г. палатой единоличного судьи Окружного суда Утрехта, были “незаконными” с точки зрения нидерландского права. Передав на рассмотрение этой палаты все случаи, подпадающие под статьи 22—24 Закона о лицах, страдающих психическими расстройствами, внутренний регламент Окружного суда Утрехта вступает в противоречие со статьей 238 (b)

Гражданско-процессуального кодекса, которая ставит передачу дела в палату единоличного судьи в зависимость от особого в каждом отдельном случае решения, принимаемого палатой в составе не менее трех судей.

Правительство, основываясь на других статьях нидерландского законодательства, оспаривает это толкование.

Комиссия со своей стороны выражает мнение, что постановления такого рода относятся к компетенции палаты единоличного судьи.

Суд констатирует, что решение, принятое в данном деле Окружным судом Утрехта, соответствует его Внутреннему регламенту, который был одобрен Королевским декретом по рекомендации Верховного Суда. Соответствие данного Регламента Гражданско-процессуальному кодексу — это проблемный вопрос, который в отсутствие какой-либо практики Верховного Суда, по-видимому, остается открытым для обсуждения. При таких обстоятельствах у Суда нет достаточных причин для вывода о том, что Окружной суд Утрехта действовал не в “порядке, установленном законом”.

49. Второй формальный недостаток, по утверждению заявителя, возник в результате того, что срок принудительного содержания, установленного постановлением от 16 декабря 1969 г., истек раньше, чем он был возобновлен 7 января 1971 г. окружным судом. Заявитель делает из этого двойной вывод: во-первых, лишение его свободы было незаконным, поскольку продолжалось дольше установленного срока; во-вторых, постановление от 7 января 1971 г., будучи несвоевременно принятым, не соответствует закону.

Правительство в ответ объясняет, что в тех случаях, когда прокурор продляет принудительное содержание, предыдущее постановление остается в силе до нового решения суда. Статья 24 Закона о лицах, страдающих психическими расстройствами, требует, чтобы жалоба была подана незадолго до истечения срока предыдущего постановления, но не конкретизирует, когда окружной суд должен принять новое постановление. В данном конкретном случае прокурор обратился в суд 14 декабря 1970 г., т. е. в пределах допустимого периода (см. п. 27 выше).

Суд принимает общее объяснение, представленное Правительством. Из обстоятельств дела не следует, что задержка повлекла за собой произвольное лишение свободы: интервал в две недели между окончанием срока предыдущего постановления и изданием последующего ни в коей мере не может рассматриваться как неоправданный или чрезмерный.

50. В итоге заявитель принудительно содержался в больнице “в порядке, установленном законом”.

С. Утверждение о праве на лечение

51. Г-н Винтерверп утверждает, что статья 5 п. 1 (е) подразумевает, что каждый человек, лишенный свободы как “душевнобольной”, имеет право на необходимое лечение в качестве гарантии, что он не будет задержан дольше, чем это абсолютно необходимо. Что касается его собственного положения, заявитель выражает недовольство тем, что его встречи с психиатром были слишком короткими и редкими и что среди медикаментов, которые ему давали, было слишком много транквилизаторов.

Правительство категорически отрицает это обвинение.

Суд, как и Комиссия, считает, что право психически больного на лечение, соответствующее его состоянию, само по себе не следует из статьи 5 п. 1 (е). Более того, в материалах дела нет ничего, относящегося к лечению, что нарушало бы какое-либо иное положение Конвенции.

D. Вывод

52. Суд, таким образом, делает вывод, что нарушение статьи 5 п. 1 места не имело.

II. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 4

53. Заявитель также ссылается на статью 5 п. 4, которая гласит:

“Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно”.

Суд обязан рассмотреть эту жалобу, хотя не было обнаружено никакого нарушения статьи 5 п. 1 (см. вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*, с. 39—40, п. 73).

A. Относительно первоначального распоряжения, сделанного бургомистром, и последующих постановлений, изданных мировым и окружным судами

54. Впервые г-н Винтерверп принудительно содержался в больнице с 17 мая по 24 июня 1968 г. по распоряжению бургомистра Амерсфорта. Это распоряжение в рамках чрезвычайной процедуры, предусмотренной в то время статьей 14 Закона о лицах, страдающих психическими расстройствами, было действительно в течение трех недель, но срок задержания был продлен прокурором.

Последующее лишение заявителя свободы не было результатом административных действий. Согласно статьям 17, 23 и 24 Закона, постановление о временном задержании от 24 июня 1968 г. было издано мировым судьей Амерсфорта, постановление от 23 декабря 1968 г. — окружным судом Утрехта и последующие возобновляемые постановления — окружными судами Утрехта и Хертогенбоса (см. п. 24—28 выше).

55. В вышеупомянутом судебном решении по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии* от 18 июня 1971 г. (с. 40, п. 76) Суд констатировал:

“В тех случаях, когда решение о лишении какого-либо лица свободы принимается административным органом... статья 5 п. 4 обязывает Договаривающиеся Стороны предоставить задержанному лицу право на обращение в суд; однако это не означает, что тот же самый принцип действует, когда дело уже решено судом. В последнем случае контроль, предусмотренный статьей 5 п. 4, включен в это решение;...”

Опираясь на свою собственную практику, Комиссия высказывает мнение, что в таком виде этот вывод Суда не может быть поддержан в делах о лишении свободы лиц в связи с “душевым расстройством”, по крайней мере когда оно производится на неопределенное время.

Причины, которые вначале оправдывали принудительное содержание, могут исчезнуть (см. п. 38 выше *in fine*). Следовательно, толкование п. 4 статьи 5 как исключаящего возможность проверки законности такого содержания только на том основании, что первоначальное решение принималось судом, противоречило бы целям и задачам статьи 5. Сам характер рассматриваемого типа лишения свободы, по-видимому, требует контроля, проводимого через разумные промежутки времени. Однако, как констатировала

Комиссия в п. 95 своего доклада, дальнейшее изучение этого вопроса будет поверхностным без предварительного выяснения вопроса о том, действительно ли соответствующие решения, касающиеся г-на Винтерверпа, были приняты после “обращения в суд”, как предусматривает статья 5 п. 4.

56. Ни бургомистр, который издал первоначальное распоряжение, ни прокурор, который продлил срок его действия, не обладают характеристиками “суда”. В отличие от них, и мировой суд, и окружные суды, которые издавали соответствующие постановления, несомненно, являются “судами” с организационной точки зрения: они “независимы как от исполнительной власти, так и от сторон” (см. вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Омс и Версин против Бельгии*, с. 41, п. 77).

57. Тем не менее вмешательство такого органа будет соответствовать статье 5 п. 4 только при условии, что “используемая процедура имеет характер судебной и дает заинтересованному лицу гарантии, соответствующие рассматриваемому типу лишения свободы”; “для того чтобы определить, предоставляет ли судебное разбирательство надлежащие гарантии, необходимо обратить внимание на конкретный характер обстоятельств, в которых происходит данное разбирательство” (то же упомянутое решение, с. 41 и 42, п. 76 *in fine* и п. 78).

Как справедливо подчеркивает Правительство, “задержание... душевнобольных” (статья 5 п. 1 (e)) представляет собой особую категорию.

58. По мнению Комиссии, абсолютно обязательным для судебного разбирательства этой категории дел является право заинтересованного лица излагать свою позицию и аргументы, оспаривать медицинские и социальные заключения (см. п. 102 доклада). По мнению представителей Комиссии, законодательство Нидерландов противоречит статье 5 п. 4, предоставляя судье в этой связи дискреционную власть.

Заявитель, по сути, поддерживает аргументацию Комиссии. Он утверждает, что ввиду особого положения лиц, страдающих душевным расстройством, из статьи 5 п. 4 вытекает их право на юридическую помощь.

59. По мнению Правительства, статья 5 п. 4 не обязывает суд непосредственно заслушивать лицо, чье психическое состояние, установленное на основе объективных медицинских обследований, делает его неспособным давать показания, имеющие какую-либо юридическую значимость. Объективные медицинские заключения, переданные за несколько лет в нидерландские суды, показывают, как утверждает Правительство, что именно таковым и является случай г-на Винтерверпа.

По утверждению Правительства, Закон о лицах, страдающих психическими расстройствами, содержит достаточные гарантии. Контроль осуществляется независимым судом, имеющим полную возможность исследовать каждое отдельное дело. Более того, процесс контроля является непрерывным: по крайней мере раз в год суд принимает решение о необходимости сохранить в силе постановление о принудительном содержании. Закон возлагает на прокурора обязанность гарантировать, чтобы никто не был незаконно помещен в психиатрическую больницу. Наконец, медицинские заключения и доклады, требуемые на различных этапах, составляют в соответствии с особыми правилами, призванными обеспечить гарантии защиты больного.

60. Суд не разделяет точки зрения Правительства.

Верно, что судебные разбирательства, о которых говорится в п. 4 статьи 5, не обязательно должны сопровождаться теми же гарантиями, кото-

рые предусмотрены статьей 6 п. 1 для судебных процессов по гражданским и уголовным делам (см. вышеупомянутое решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*, с. 42, п. 78 *in fine*). Тем не менее важно, чтобы заинтересованное лицо имело доступ к суду и возможность быть выслушанным лично или через какую-либо форму представительства, без чего оно будет лишено “основных процессуальных гарантий, применяемых в делах, связанных с лишением свободы” (см. вышеупомянутое решение, с. 41, п. 76). Психическое заболевание может быть причиной ограничения или изменения способа осуществления такого права, но оно не может служить оправданием нарушения самой сути этого права. Действительно, может возникнуть необходимость применения специальных процессуальных гарантий для защиты интересов лиц, которые в силу их психической неполноценности не способны сами делать это.

61. В соответствии со статьями 17, 23 и 24 Закона о лицах, страдающих психическими расстройствами, в редакции, действовавшей в соответствующие периоды, ни мировой, ни окружной суд не были обязаны выслушивать лицо, о принудительном содержании которого шла речь (см. п. 14, 17 и 18 выше).

Что касается конкретных фактов, то с заявителем во время судебных разбирательств контактов не было ни лично, ни через представителя его ни разу не уведомили ни о судебных слушаниях, ни об их результатах; его ни разу не выслушали в суде и не дали возможности участвовать в обсуждении.

По этому основному вопросу гарантии, предусмотренные в статье 5 п. 4 Конвенции, отсутствовали как в законодательстве, так и на практике. Несмотря на наличие некоторых судебных черт, процедура, которой следовали и мировой, и окружной суды при принятии решений по ходатайствам о задержании г-на Винтерверпа, не предоставляла ему “право на обращение в суд”, в том смысле, как об этом говорит статья 5 п. 4 (см. п. 57 выше). Никким образом не умаляя значимости многих гарантий, предоставляемых Законом о лицах, страдающих психическими расстройствами, Суд считает, что упомянутая процедура не отвечает требованиям статьи 5 п. 4.

В. Относительно ходатайств заявителя об освобождении

62. Правительство справедливо настаивает на необходимости подробно рассмотреть всю систему, созданную в соответствии с Законом о лицах, страдающих психическими расстройствами. Поэтому остается определить, восполняются ли пробелы, обнаруженные Судом, процедурой, регулирующей рассмотрение ходатайств об освобождении (статья 29 Закона).

63. Хотя статья 29 Закона позволяет заинтересованному лицу добиваться пересмотра своего положения, решение по его ходатайству об освобождении не обязательно принимается судом. Ходатайство адресуется администрации больницы, а затем при неблагоприятном медицинском заключении передается прокурору. Последний в принципе должен передать его в окружной суд, но в некоторых случаях он не обязан делать это, особенно, когда совершенно очевидно, что удовлетворить это ходатайство не представляется возможным. Решение прокурора никоим образом не может рассматриваться по смыслу статьи 5 п. 4 как принятое судом. Конечно, установленная законом периодичность подачи ходатайства об освобождении может, в зависимости от обстоятельств, ограничить возможности для душевнобольных обращаться в суд (см. п. 60 выше). Когда же прокурор отказывается пере-

дать ходатайство в окружной суд на том основании, что оно явно необоснованно, он не просто ограничивает, а фактически отрицает право на обращение в суд, как оно представлено в статье 5 п. 4.

Когда в окружной суд поступает такое ходатайство, он абсолютно свободен в решении вопроса об участии заявителя. Полномочие такого рода не обеспечивает основных гарантий процедуры, применяемой в делах о лишении свободы (см. п. 60—61 выше).

64. Г-н Винтерверп был заслушан окружным судом в феврале 1969 г., когда суд рассматривал его первое ходатайство об освобождении. Ему удалось на этой стадии реализовать свое право на суд.

В отличие от первого, его последующие ходатайства в апреле 1971 г., июле 1972 г. и феврале 1973 г. не были направлены в окружной суд, прокурор отклонил их, как лишённые каких-либо перспектив на успех (см. п. 30 выше). Он каждый раз заслушивал г-на Винтерверпа, и его решения, возможно, были оправданны, учитывая имевшуюся в его распоряжении информацию, но они не могут квалифицироваться как решения, принятые “судом” по смыслу статьи 5 п. 1.

C. Относительно нежелания заявителя иметь юридического представителя

65. В п. 11 (b) своей памятной записки Правительство заявляет, что лицо, которое имеет “значительные и обоснованные причины для отрицания законности своего принудительного содержания”, может по нидерландскому законодательству довести их до сведения суда с помощью адвоката. Г-н Винтерверп имел для этого и других консультаций с адвокатом достаточно возможностей, особенно во время нескольких периодов, когда он покидал лечебницу. Поскольку он ни разу не пытался обратиться в суд через адвоката ни во время периодических пересмотров своего дела, ни в связи со своими ходатайствами об освобождении, нельзя сказать, что ему было отказано в праве на “обращение в суд”, как это гарантирует статья 5 п. 4.

66. Суд не согласен с такой аргументацией. Наличие “значительных и обоснованных причин” не может служить предварительным условием для использования процедуры, предусмотренной статьей 5 п. 4, поскольку это именно тот вопрос, который должен решать национальный суд. Кроме того, статья 5 п. 4 не требует, чтобы лица, помещённые под наблюдение врачей как “душевнобольные”, пытались сами, прежде чем обратиться в суд, найти себе юридического представителя.

Нельзя утверждать, что поскольку заявитель ни разу не был представлен адвокатом, он пренебрег использованием своего права, гарантированного статьей 5 п. 4, он пытался это сделать четырежды, добиваясь пересмотра решения о принудительном содержании (см. п. 64 выше).

D. Вывод

67. Итак, различные решения, предписывавшие или санкционировавшие принудительное содержание г-на Винтерверпа в больнице, исходили от органов, которые либо не обладали характеристиками “суда”, либо не сумели предоставить судебных гарантий, требуемых статьей 5 п. 4; заявитель также не имел доступа к “суду”, когда рассматривались его ходатайства об освобождении, за исключением его первого ходатайства, которое

было отклонено окружным судом в феврале 1969 г. Следовательно, в отношении г-на Винтерверпа была нарушена статья 5 п. 4.

68. В свете этого вывода Суд не считает необходимым решать вопрос, распространяется ли контроль за “законностью”, предусмотренный статьей 5 п. 4, только на формальную правильность использованной процедуры или и на применение такой меры, как лишение свободы. Комиссия, Правительство Нидерландов и заявитель предпочли второе толкование. Однако оно было оспорено Правительством Соединенного Королевства по другому делу в его меморандуме от 9 января 1979 г. (см. п. 7 выше). Во всяком случае, законодательство Нидерландов не ограничивает сферу такого контроля.

III. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1

69. Заявитель подал и третью жалобу, “субсидиарную, но связанную с другими”. Поскольку принудительное содержание автоматически лишило его способности управлять своей собственностью, произошло “прекращение его гражданских прав и обязанностей”, причем без судебных гарантий, предусмотренных в статье 6 п. 1, которая гласит:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”.

70. Комиссия не считала себя обязанной выразить какое-либо мнение, поскольку данный вопрос относится к “другим фактам”, отличным от тех, которые изначально были переданы ей на рассмотрение и соответственно не обсуждались.

В таком случае следует выяснить, может ли Суд в свою очередь принимать решение по якобы имеющемуся нарушению статьи 6.

71. В своем решении по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. (Серия А, т. 25, с. 63, п. 157) Суд объяснил следующим образом пределы своей компетенции в спорных случаях:

“Решение Комиссии о приемлемости определяет предмет рассмотрения дела в Суде; только в очерченных таким образом рамках Суд... может рассматривать все возникающие вопросы факта или права”.

Принимая жалобу г-на Винтерверпа от 30 декабря 1975 г., Комиссия уточнила, что она изучила ее “с учетом статьи 5 Конвенции (см. п. 33 выше). Объясняя, почему Комиссия не посчитала “необходимым или желательным” рассматривать жалобу по статье 6 по существу, представители Комиссии на слушании уточнили, что здесь имеется проблема для обсуждения.

72. Прежде всего Суд отмечает тот факт, что Правительство ни в Комиссии, ни в самом Суде не выдвигало никаких предварительных возражений по этому пункту.

Более того, хотя обсуждаемая жалоба не была конкретно упомянута в первоначальных жалобах, поданных г-ном Винтерверпом в Комиссию, она совершенно очевидно связана с ними. Его недовольство, как было заявлено во время рассмотрения вопроса о приемлемости представлявшим его адвокатом, было непосредственно направлено против лишения его свободы: он считал, что его содержали в изоляции произвольно, и протестовал против того, что ему было отказано как в возможности быть выслушанным в суде, так и в информации о решениях, в результате которых его принудительное содержание было несколько раз продлено (см. п. 33 выше). Новая проблема, относящаяся к статье 6, поднятая г-ном Ван Лооном на стадии рассмотрения Комиссией обстоятельств дела, касалась правовых последствий, которые автоматически вытекают из факта принудительного помещения в психиатрическую лечебницу (см. раздел 32 Закона о лицах, страдающих психическими расстройствами; п. 21 настоящего решения). Таким образом, эта проблема тесно связана с вопросами, которые образуют предмет изначальных жалоб г-на Винтерверпа, объявленных Комиссией приемлемыми (см. *mutatis mutandis* решение по делу Делькура от 17 января 1970 г. Серия А, т. 11, с. 20, п. 40).

Таким образом, Суд компетентен принимать решения по этому вопросу.

73. Правительство сомневается в том, что статья 6 п. 1 применима к обстоятельствам этого дела. Оно склоняется к мнению, что предметом спора скорее является вопрос о статусе, а не о гражданских правах и обязанностях как таковых.

Суд не разделяет это мнение. Способность лично управлять своим имуществом предполагает осуществление гражданских прав и, следовательно, отражается на “гражданских правах и обязанностях” в контексте статьи 6 п. 1 (см. решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 32, п. 95). Лишение г-на Винтерверпа этой способности было равносильно “прекращению” таких прав и обязанностей.

74. Заявитель утратил эту способность после помещения в психиатрическую лечебницу (см. п. 32 выше). Совершенно ясно, что в связи с его первым “срочным” задержанием по распоряжению бургомистра не проводилось никакого судебного слушания в соответствии со статьей 6 п. 1 Конвенции.

Последующие периоды лишения свободы были санкционированы через равные промежутки времени мировым судом Амерсфорта и региональными судами Утрехта и Хертогенбоса. Однако, как уже указывалось в данном судебном решении, ни по закону, ни практически г-ну Винтерверпу не была предоставлена возможность быть выслушанным ни лично, ни через представителя (см. п. 61 выше). Более того, судебная процедура касалась исключительно лишения его свободы. Следовательно, нельзя считать, что она включала “справедливое рассмотрение”, по смыслу статьи 6 п. 1, вопроса о его гражданской дееспособности.

75. В качестве общего аргумента Правительство утверждает, что статья 6 п. 1 не была нарушена, т. к. Закон о лицах, страдающих психическими расстройствами, охраняет гражданские права задержанного душевнобольного лица, которое по причине психического состояния нуждается в защите от его собственной неспособности управлять своими делами.

Суд не согласен с этим ходом рассуждений. Каково бы ни было оправдание лишения лица, страдающего психическим расстройством, способности управлять своим имуществом, гарантии статьи 6 п. 1 должны уважаться. Хотя, как было указано выше в связи с п. 4 статьи 5 (см. п. 60, 63), психическое заболевание может сделать законными некоторые ограничения на

осуществление “права на обращение в суд”, оно не может оправдать полное отрицание этого права, как оно предусмотрено статьей 6 п. 1 (см. вышеупомянутое решение по делу Голдера, с. 18—19, п. 36, 38—39).

76. Соответственно, имело место нарушение статьи 6 п. 1.

IV. О применении статьи 50

77. Во время слушания дела адвокат заявителя предложил в качестве справедливого возмещения схему из пяти пунктов, в основном обеспечивающую уход за его клиентом под наблюдением социально-психиатрической службы, вместе с заверением, что будут предоставлены полные процессуальные гарантии в отношении ежегодных постановлений о возобновлении принудительного содержания и ходатайств об освобождении. Не было предъявлено никаких требований о возмещении материального ущерба и денежной компенсации за моральный ущерб.

Представители Комиссии, не конкретизируя этот вопрос, заявили, что это справедливая схема договоренности о компенсации, соответствующая статье 50.

Правительство, со своей стороны, сохранило собственную позицию.

Таким образом, хотя вопрос о применении статьи 50 Конвенции был поднят в соответствии со статьей 47 bis Регламента Суда, он не готов для вынесения решения. Поэтому суд вынужден отложить рассмотрение этого вопроса и определить последующую процедуру, учитывая должным образом возможность соглашения между государством-ответчиком и заявителем (статья 50 п. 3 и 5 Регламента Суда).

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что нарушение статьи 5 п. 1 места не имело;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 п. 4;
3. *Постановил*, что Суд компетентен принимать решения по жалобе по к статье 6 п. 1;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 6 п. 1;
5. *Постановил*, что вопрос о применении статьи 50 не готов для принятия решения, и соответственно
 - (а) *оставил* за собой решение по этому вопросу в целом;
 - (б) *предложил* Комиссии представить Суду в течение двух месяцев со дня оглашения этого решения свои замечания по вышеупомянутому вопросу, в частности, уведомить Суд о любом урегулировании, к которому могут прийти Правительство и заявитель;
 - (с) *оставил* за собой определение дальнейшей процедуры.

Совершено на английском и французском языках, причем английский текст является аутентичным, и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 октября 1979 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Хельга Педерсен
Председатель